

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.09

Власов Никита Анатольевич

кандидат психологических наук

психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина

Москва, Россия

vlasov@psyinst.moscow; ORCID: 0000-0001-6459-570X

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЦЕННОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ ШКОЛЫ «АННАЛОВ» М. БЛОКА, Ж. ЛЕ ГОФФА И А. Я. ГУРЕВИЧА

Аннотация. Статья посвящена особенностям представлений и ценностей, характерных для членов различных социальных групп Средних веков. Актуальность работы обусловлена недостаточной степенью изученности психологических аспектов жизни обществ прошлого в исторической науке. Целью исследования является анализ работ авторов школы «Анналов» — М. Блока, Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревича — в рамках истории ментальностей. В ходе исследования были изучены социально-онтологические воззрения как основной массы населения Европы того времени в целом (вера в сакральность особы короля и их способность исцелять больных; отношение к потребляемой пище, одежде и жилищу как к показателям социального статуса; регламентация общественных отношений как по вертикали, так и по горизонтали; общие ценности страдания, смирения, служения и верности; эволюция оценки труда от негативной к положительной), так и отдельных его слоев, таких как крестьянство (интеллектуальная неразвитость; духовная зависимость от священников; ограниченность мировосприятия рамками места жительства), рыцарство (ценности благородства, верности, мужества, щедрости и поддержания уровня достоинства) и бюргерство (ценность самоуправления; коллективная гордость и охрана общей репутации). В результате исследования были обобщены социальные понятия и ценности представителей различных общественных групп Средневековья, что позволило лучше понять особенности их когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер;

это, в свою очередь, дает возможность установить более достоверные причинно-следственные связи, детерминирующие ход исторического процесса.

Ключевые слова: история ментальностей, социальные представления, ценности, Средние века, М. Блок, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич.

Vlasov Nikita A.

Candidate of Psychological Sciences
Gannushkin Psychiatric Clinical Hospital № 4
Moscow, Russia
vlasov@psyinst.moscow ORCID: 0000-0001-6459-570X

SOCIAL VIEWS AND VALUES IN THE MIDDLE AGES IN THE WORKS OF HISTORIANS OF THE “ANNALES” SCHOOL M. BLOCH, J. LE GOFF AND A. YA. GUREVICH

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of representations and values characteristic of members of various social groups of the Middle Ages. The relevance of the work is dictated by the insufficient emphasis on the psychological aspects of the life of societies of the past in historical science. The purpose of the study is to analyze the material on this problem obtained within the framework of the history of mentalities and described by such scientists as M. Bloch, J. Le Goff and A. Y. Gurevich. In the course of the study, the socio-ontological views of the bulk of the population of Europe at that time as a whole were studied (belief in the sacredness of the person of kings and their ability to heal the sick; attitude to food consumed, clothing and dwellings used as indicators of social status; regulation of public relations both vertically and horizontally; common values of suffering, humility, service and loyalty; the evolution of the evaluation of labor from negative to positive), as well as its individual strata, such as the peasantry (intellectual underdevelopment, spiritual dependence on priests, limited perception of the world by the framework of the place of residence), chivalry (values of nobility, loyalty, courage, generosity and maintaining the level of dignity) and burghers (the value of self-government, collective pride and protection of the common reputation). As a result of the research, the social ideas and values of representatives of various groups of medieval societies were generalized, which made it possible to better understand the features of their cognitive, emotional and behavioral spheres; this, in turn, makes it possible to establish more reliable cause-and-effect relationships that determine the course of the historical process.

Keywords: history of mentalities, social representations, values, Middle Ages, M. Bloch, J. Le Goff and A. Ya. Gurevich.

Введение. Со времен Геродота и примерно до середины XX в. историческая наука, изучая общества прошлого, уделяла незначительное внимание психологическим аспектам тех или иных эпох. К психологии историки обращались, как правило, в двух случаях: если речь шла о каком-либо историческом деятеле и требовалось прояснить мотивацию

его поступков (например, жестокость Ивана Грозного или модернизаторские устремления Петра Великого) или при объяснении социальных феноменов, таких как революции и войны. Однако в остальном «душевная жизнь» людей прошлого не очень занимала историков.

К середине XX в. во Франции произошел переворот в понимании того, что представляет собой объект исторической науки. Один из основателей школы «Анналов» Марк Блок предложил в качестве такового людей¹, причем не столько широко известных, таких как государственные деятели, сколько обычных, зачастую оказывавшихся на периферии исторического познания. Стремясь создать наиболее полную картину жизни обществ прошлого, представители школы «Анналов» старались описать ее во всех мыслимых аспектах — экономическом, географическом, социальном, политическом и др. Особое место в исследованиях такого рода занимало изучение психологического склада людей прошлого: выбрав в качестве основной категории понятие «ментальность», ученые предприняли попытку через него определить особенности «душевной жизни» человека былых эпох. Таким образом возникло направление, известное как «история ментальностей».

Ментальность может быть понята как «совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом»². Так как история ментальностей оформилась во Франции, то фундаментальные работы в рамках данного направления были выполнены именно в этой стране (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Р. Мандру), причем один из ученых этого направления — Ж. Дюби — даже заявил о формировании особой школы ментальностей³. Первым отечественным ученым, обратившимся именно к проблеме ментальности стал историк-медиевист А. Я. Гуревич. И если в 1960-х гг. по причине того, что понятие «ментальность» еще не вошло в научный оборот, он не применяет его (хотя и описывает семантическое поле данного термина), то спустя двадцать лет, в 1980-х гг., использует его и определяет ментальность в качестве «повседневного облика коллективного сознания», включающего такие когнитивные и аффективные элементы, как психологические установки, восприятие, чувство и мышление⁴.

В силу того что многие историки школы ментальностей были в первую очередь медиевистами (М. Блок, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич и др.), их исследования посвящены изучению психологических особенностей людей Средневековья. Заметно меньше работ рассматривают «душевную жизнь» Нового

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 17.

² Харитонова Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М., 2015. С. 227.

³ Дюби Ж. Методологическая программа школы ментальностей // Историческая психология: учебная хрестоматия. Вып. 1. Самара, 2006. С. 129.

⁴ Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М., 2015. С. 19.

времени, однако они есть (Р. Мандру, Н. Н. Козлова). Более чем пятидесятилетняя история развития данного направления в исторической науке позволяет сделать некоторое обобщение материала, посвященного такому аспекту ментальности, как социальные представления и ценности: речь идет о том, как представители различных социальных групп (крестьянства, феодалов и др.) видели себя и членов иных общностей Средневековья и Нового времени, на какие аксиологические основания они опирались в своем бытии. Ниже мы рассмотрим основные исследования по данной теме и обобщим полученные результаты.

Ход и результаты исследования. Одним из первых трудов, относимых к категории истории ментальностей, можно считать работу 1924 г. «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» (Rois et Thaumaturges) французского историка и сооснователя школы «Анналов» Марка Блока (Marc Bloch, 1886–1944). Предметом его исследования являются верования людей в исцеляющие способности королей, живших в средневековых Франции и Англии.

Корень иррациональности таких верований автор видит в архаичном прошлом: «чудо с исцелением золотушных больных бесспорно является составной частью целой психологической системы, которую можно назвать “первобытной”»⁵. Однако, с точки зрения Блока, недостаточно просто констатировать этот факт, необходимо понять то, каким образом возникли такие представления. Монархи воспринимались как врачеватели потому, что издревле считались священными особами. Французские и английские короли были потомками германских варварских правителей, которые признавались если и не богами, то потомками богов, обладавшими определенной властью над природой. Христианство, казалось бы, нанесло удар по Божественному статусу вождей, лишив их духовной власти, однако позже произошло символическое слияние политической и религиозной составляющих, что нашло отражение в обряде помазания на королевство, причем новоиспеченный король получал свою духовную силу при помощи служителя Церкви⁶. Таким образом, на формирование сакрального образа монарха сочетанно повлияли такие факторы, как древнегерманские представления о Божественной природе вождей, миропомазание как легализация духовного статуса правителя со стороны Церкви, определенные символы Востока (корона или диадема) и народная память романизированных областей Европы (Галлии-Франции и Британии-Англии) о обожествляемых в Античности императорах.

Сакральный статус королей имел место быть в мире, в котором материальное и духовное переплетались настолько крепко, что разделить их было

⁵ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 121–122.

⁶ Там же. С. 139.

практически невозможно. Блок указывает на то, что «люди верили, что священные действия, предметы и особы не только обладают властью над загробным миром, но и наделены силой, способной влиять на ход событий в мире земном»⁷. Вера эта подкреплялась «фактами» чудес, причем не только сверху, т. е. со стороны представителей духовенства, но и снизу, со стороны простых людей. Простонародье ожидало чудес и было готово к их восприятию. Особый обряд исцеления королем золотушного больного повторял ту систему действий, которая была известна из жития святых-чудотворцев. Сложно судить, насколько эффективным было такое «лечение», однако практиковалось оно регулярно, что может говорить о силе внушения и самовнушения: так, английский король Эдуард I Длинноногий мог за один год провести обряд возложения рук более чем с 1000 больных⁸. Такое исцеление золотухи (названной по способу врачевания королевской болезнью) нельзя считать исключительно уделом духовной сферы, так как оно упоминается в средневековой медицинской литературе. В Англии также получило распространение исцеление при помощи особых колец, изготовленных из золотых и серебряных монет, «временно подаренных <королем> божеству и тотчас взятых назад» после замены их на «выкуп» в виде менее ценных монет, но в той же сумме. Спектр болезней, от которых защищали такие артефакты, был довольно широким⁹.

Обряды королевского исцеления и вера в них существовали в Средневековье, однако уже в эпоху Возрождения вера в них стала ослабевать, а сами ритуалы исчезать. Сильный удар по ним нанесла Реформация, причем не только в сфере исключительно религиозной, но и политической: «Ее ближайшим результатом оказалась смута, начавшаяся в Англии и Франции; она нанесла серьезный удар по привилегиям королевской власти, и в том числе по привилегии творить чудеса»¹⁰. Хотя еще Елизавета I продолжала исцелять золотушных, Яков I, взошедший на престол в 1603 г., уже отказался это делать, а произошедшие драматические события середины XVII в., связанные с гражданской войной и казнью короля, поставили точку в вопросе чудодейственных способностей монархов. Во Франции этот ритуал снова расцвел при Людовике XIV, однако и там он постепенно стал использоваться все реже и реже.

И в Англии, и во Франции революции стали непосредственным поводом к окончательному исчезновению обряда возложения рук¹¹, хотя иногда, как, например, в случае жившего в изгнании Якова II, исцеление королем больных все еще имело место, однако это, скорее, уже было признаком все более угасающей традиции. Но, как указывает автор, причины отказа от такого

⁷ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 151.

⁸ Там же. С. 177–178.

⁹ Там же. С. 252.

¹⁰ Там же. С. 459.

¹¹ Там же. С. 520.

ритуала следует искать в изменении ментальности народа. Начиная с Нового времени шел постепенный процесс десакрализации власти, т. е. в монархе все в большей степени видели политического, а не духовно-политического лидера, в силу чего он из полубожества или хотя бы из персоны, отмеченной дланью Господней, превратился в такого же человека, как и его поданные, просто обладающего, в силу своего статуса, большими мирскими полномочиями и привилегиями. Блок связывает этот процесс не столько с изменениями мышления низов, которые ожидали чудес, сколько с трансформациями представлений о религии и власти в верхах, так как элита стремилась «изгнать» из картины мира все, что могло бы быть связано с метафизикой. Секулярные идеи Нового времени — эпохи разума — развивались философами, которые стали приучать население видеть в монархах не помазанников Божьих, а наследственных представителей государственной власти; следовательно, тот, кто не ищет чудес, тот их и не находит.

Зримым признаком исчезновения ореола священности королей стала их публичная казнь сначала в Англии в 1649 г., а затем и во Франции в 1793 г., что было в принципе невозможно в прошлые столетия. С потерей веры в сакральность монарха в народе произошла и потеря веры в их целительные возможности. В середине XVIII в. в Англии обряд уже не проводился совершенно, а во Франции его прекращение можно датировать 1793 г. Как писал М. Блок, «королевское чудо умерло вместе с верой в монархию»¹².

Тема ментальности людей прошлого продолжает рассматриваться в работах французского историка Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff, 1924–2014). В монографии «Цивилизация средневекового Запада» (*La civilisation de l'Occident Médiéval*), изданной в 1964 г., он приводит результаты своего масштабного исследования европейского общества той эпохи. Девятая глава в этой книге («Ментальность, мир эмоций, формы поведения») посвящена психологии людей, живших в то время.

Ментальность позднего Средневековья все в большей степени оказывается связанной с миром повседневности. В этой тенденции автор отмечает четыре аспекта. Первый связан с телом, которое Церковь исторически презирала как источник греховности. Однако рыцарский дискурс с его идеями воинской доблести не может игнорировать телесность, поэтому его роль велика и во время войны, и во время охоты, и во время турнира. Даже Церковь не смогла полностью искоренить эту тему, так как в ходе религиозных церемоний использовалось символическое тело Христово, да и поклонение мощам святых означало почитание телесных останков. Более позитивное отношение к телесности подтверждается возрождением, кажется, прочно забытой римской традиции посещения бань. Так, в 1292 г. в Париже было 26 таких заведений

¹² Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 545.

(следует помнить, что за 200 лет до того знакомство европейцев с банями произошло на Ближнем Востоке во время крестовых походов). Культура и мышление, насыщенные символами, часто использовали тело для их демонстрации: выраженный смысл несли в себе вложение рук вассала в руки сеньора, бросание перчатки, моления и благословения; жест уведомлял, являлся способом коммуникации, доносил до других лиц позицию субъекта.

Второй аспект изменившейся повседневной ментальности связан с питанием. Для поддержания нормального функционирования человека необходимы еда, одежда и жилье. Крестьяне, будучи в самом низу социальной иерархии, питались скудно, основу их рациона составляли каши и овощи, лишь иногда в их меню появлялось мясо. Обеспеченные слои общества могли позволить себе существенно более богатый рацион и «излишество в пище было первым из излишеств»¹³. Феодалы потребляли еду демонстративно, деликатесы подчеркивали статус хозяина. Роскошь в еде была своеобразным ответом аристократии церковной роскоши литургии.

Третий аспект связан с одеждой. Встречали по одежке: надеть на себя вещи, связанные с более высоким статусом, означало совершать грех гордыни; в противном случае речь шла о понижении своего статуса. Корпоративная этика подразумевала не только определенные правила поведения, но и определенную манеру одеваться. Так, доктора (преподаватели и ученые) носили береты и длинные перчатки, рыцарям полагались шпоры, своя «униформа» была у духовных лиц в зависимости от ранга. Вообще, для позднего Средневековья все более свойственным становится роскошь в одежде, что было вызвано как ростом богатства высших слоев общества и совершенствованием ткацких технологий, так и более либеральным отношением к излишествами. В моду входят шелка, мех, вещи из тонкого сукна, причем доступны они оказываются не только для королей и аристократии, но и для некоторых горожан, например купцов. Наблюдается прогресс в области гигиены, появляется и внедряется в обиход практика ношения нижнего белья¹⁴.

Четвертым аспектом является жилище. Крестьяне жили в деревянных домах, неказистых и плохо обставленных. Привязанность к жилищу в те времена вообще не была свойственна людям, как указывает автор, что он связывает и с бедностью, и с частыми пожарами даже в крупных по тогдашним меркам городах (так, Руан во Франции за 25 лет горел целых шесть раз). Замки же элиты, построенные преимущественно из камня, выполняли прежде всего оборонительную функцию и лишь после XI в. начали целенаправленно украшаться. Мебели было немного, столы были разборными, а постоянным хранилищем для вещей были сундуки; ведя зачастую бродячую жизнь, феодалы испытывали особую приязнь к коврам, напоминающим им о жизни в палатке¹⁵.

¹³ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 332.

¹⁴ Там же. С. 335.

¹⁵ Там же. С. 336.

Менее аскетичные, чем их мужья и отцы, женщины-аристократки стремились украсить свои жилища, для чего могли быть использованы обои, росписи, кровати с балдахинами и даже мозаики (еще одно напоминание об ушедшей римской эпохе). Богатые городские жители, бюргеры, в подражание феодалам строили себе дома из камня, однако обставляли их мебелью более плотно¹⁶.

В отечественной науке фундаментальными трудами в области истории ментальности считаются работы медиевиста Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006). В изданной в 1972 г. монографии «Категории средневековой культуры» он стремился описать картину мира средневекового человека, опираясь на следующие ее аспекты: восприятие пространства и времени, социальные представления и суждения о богатстве и труде.

Автор рассмотрел социальные отношения, представления и ценности средневекового общества. Связи были межличностными, например между вассалом и сюзереном. При этом, как правило, действовал принцип взаимности: «Вассал должен был служить своему сеньору, оказывать ему всяческую помощь, соблюдать личную верность и преданность, — со своей стороны, сеньор обязывался покровительствовать вассалу, защищать его, быть по отношению к нему справедливым; вступая в это отношение, они обменивались торжественными клятвами и выполняли ритуал оммажа, делавший их связь нерушимой»¹⁷. Каждая социальная группа, в которую был включен человек, имела свои установки, ценностные идеалы. Вступая в такое сообщество, человек получал не только определенные привилегии, например защиту или материальные блага, но и был вынужден подчиниться принятому в нем этосу; несоблюдение таких норм могло караться изгнанием из группы.

Корпоративность сковывала индивидуальную инициативу, однако позволяла чувствовать себя защищенным и, следовательно, более спокойным и уверенным. Корпорации не просто влияли на индивида, а формировали его как личность. Социальный строй Европы того времени имел как вертикальную ось (подчинение/господство), так и горизонтальную (корпорации). Свобода и зависимость имели множество градаций в зависимости от социального контекста, сами эти понятия довольно относительны.

Если говорить о ценностях той эпохи, то особую роль играли страдание, смирение, служение и верность («а служба и верность являются центральными категориями в системе социально-политических и морально-религиозных ценностей средневекового христианства»¹⁸). Предательство, порицаемое во все времена, благодаря Церкви и ее дискурсу, в котором особое место занимает измена Иуды, наиболее осуждалось именно в Средние века.

Далее Гуревич рассматривает ментальность представителей трех сословий — крестьянства, рыцарства и бюргерства. Наиболее инертное, консервативное

¹⁶ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 336.

¹⁷ *Гуревич А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 154.

¹⁸ Там же. С. 161.

сословие — крестьяне — было экономической основой средневекового хозяйства и подвергалось эксплуатации как со стороны феодалов, так и со стороны Церкви. Кругозор селян был ограничен местностью, в которой они жили, жизнь подчинялась природным ритмам. Сознание крестьянина несло отпечаток коллективизма, он считал себя частью деревенского мира; он был темен, интеллектуально неразвит, конформен, находился в духовной зависимости от священников. Селяне верили в чудеса и с жадностью слушали рассказы о хождениях в ад и проделках темных сил, испытывая тревогу о «жизни после смерти», отправлялись в далекие и полные опасностей паломничества¹⁹.

Большой простор для развития индивидуальности был у феодалов: они жили в своих замках, где могли устанавливать такие порядки, какие считали нужными. Относительно автономные, рыцари даже в войске своего сюзерена могли действовать на свой страх и риск. Кодекс чести и обычай регламентировали поведение феодала, который боялся уронить свое достоинство в глазах других. Корпоративная этика не распространялась на представителей более низких сословий, и в отношениях с простолюдинами феодал мог быть деспотом, и это особо не порицалось (только если с церковной точки зрения, да и то, скорее, формально). Рыцарь играет социальную роль, поэтому смотрит на себя глазами других, его ценностный идеал включает в себя такие понятия, как благородство, верность, мужество и щедрость. Поведение определяется этикетом, все (одежда, поступок, слова и др.) несет в себе определенное значение, транслируемое им вовне. Ограниченный ритуалами и предписанными паттернами поведения, феодал тем не менее был способен к внутреннему саморазвитию и развитию в сфере духовной культуры, которая в меньшей степени была подвержена регламентации²⁰.

Горожане были не столь подчинены аграрному циклу, однако их зависимость была связана с корпоративной регламентацией (купеческие гильдии, ремесленные цеха и др.). Мышление бюргеров, на которое природа уже не оказывала такого сильного, по сравнению с крестьянами, влияния, становилось все более рациональным. Корпорации сплачивали жителей городов, позволяя им обрести если уж не полную безопасность, то, во всяком случае, некоторое ощущение стабильности и предсказуемости. Цеха и гильдии, имея экономическое и даже политическое влияние, придавали значимость поведению своих членов; было принято испытывать коллективную гордость за свою корпорацию, ревниво охранять ее репутацию²¹. Цеховой ремесленник воспринимал свою продукцию как часть себя, заботился о качестве каждого изделия — все это говорит о том, что в то время не было развитых рынков сбыта и массового производства. В бытии мастера были сплавлены производственные, этические и эстетические составляющие, он «гражданин

¹⁹ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 164.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Там же. С. 170.

своей коммуны, собственник, трудящийся субъект»²². Средневековый вольный город стал социальным вызовом и деревне, и замку: только в нем могла появиться ментальность члена свободной, самоуправляющейся общины. И именно города стали двигателем исторического прогресса на Западе (там возникла буржуазия, похоронившая феодализм).

Последняя часть монографии посвящена анализу представлений о богатстве и труде. Отношение к труду в Средневековье двойственное: с одной стороны, это проклятье, тяготеющее над родом человеческим после изгнания Адама и Евы из рая («в поте лица твоего...»); с другой стороны, этика предписывала трем сословиям основные паттерны деятельности, среди которых крестьянам предписывалось трудиться, феодалам воевать, а духовенству молиться. В отличие от Античности, где труд считался уделом рабов, в Средние века в труде видели «нормальное состояние человека»²³. Богатство же осуждалось Церковью, накопительство и стяжательство считались крайне сомнительными ценностями; богатство не было самоцелью, как это станет позже, оно, скорее, было необходимо для развития общества в целом. Высшим идеалом Средневековья был монах, аскет, который максимально отрешился от земных благ (в том числе от богатства) ради близости к Богу.

Для феодалов наиболее благородным видом деятельности считалась война, и в особенности рыцарские подвиги; земледелие же было уделом черни и носило низкий статус в глазах знати. Однако Церковь, как было сказано выше, двойственно относилась к труду. В конечном итоге труд мог считаться частью аскетической этики (в том случае, если не имел целью накопление богатств) и в этом смысле виделся делом богоугодным²⁴. Сами же крестьяне видели свой труд как составную часть природных циклов, он для них был также естественен, как смена времен года. В эпоху высокого Средневековья отношение к труду стало меняться: Бог сотворил мир своим трудом, он изображен в одном из соборов в качестве работника. Святые, например Ной, также имели образ тружеников. Такая культура транслировала уже новые смыслы: происходило осознание достоинства физического труда²⁵. Труд становился мерилем социального статуса: мастер, изготовивший шедевр, занимал определенное положение в корпорации. Однако были и свои минусы у труда в Средние века, такие как его избыточность, связанная с необходимостью платить ренту феодалу; впрочем, интенсивность работы в будни компенсировалась множеством нерабочих праздничных дней.

Средневековое общество в значительной степени базировалось на собственности (крупное землевладение — у феодалов и Церкви, мелкое — у ремесленников и крестьян), «тем не менее обладание собственностью никогда не получало на протяжении Средневековья безусловного оправдания

²² Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 170.

²³ Там же. С. 174.

²⁴ Там же. С. 207.

²⁵ Там же. С. 209.

и одобрения — оно допускалось, но на определенных условиях и с изрядными оговорками»²⁶. Право собственности является не Божьим порождением, а результатом человеческой корысти. Бедность — это проповедуемая христианством добродетель, и большинству населения удавалось ей следовать; однако Церковь закрывала глаза на свое собственное богатство, равно как и на богатство феодалов.

Идея духовной справедливости, проповедуемая религией, нашла свою реализацию в виде ритуала помощи бедным, т. е. благотворительности, когда даже короли и королевы могли не просто давать нищим милостыню, но и лично мыть и кормить их. Щедрость считалась одной из высших добродетелей, нормой являлось поведение, при котором феодал раздает средства, полученные в результате сбора ренты, не считая их. Разорительные публичные деяния, типа засеивания поля серебром, поддерживали социальный статус сеньора и были призваны поразить вассалов и других феодалов. Богатство использовалось для усиления и поддержания влияния в обществе, поэтому дорогостоящие и чрезмерно расточительные праздники, рыцарские турниры и пиры были в порядке вещей.

Заключение. Обобщив результаты описанных выше исследований, можно сделать следующие выводы о социальных представлениях и ценностях человека, жившего в Средние века. Люди, особенно крестьяне, верили в священный статус королей, способных исцелять некоторые болезни; по мере десакрализации монаршей власти эти верования стали ослабевать. Потребляемая пища, одежда и жилище были показателями социального статуса. Общественные отношения регламентировались как по вертикали, так и по горизонтали, каждая социальная общность имела свой набор ценностей, однако общими были ценности страдания, смирения, служения и верности. Крестьяне считали себя частью деревенского мира, были интеллектуально неразвиты и находились в духовной зависимости от священников. Относительно автономные феодалы были ограничены нормами поведения своего сословия, исключая их отношение к простолюдинам; ценностями рыцарей были благородство, верность, мужество и щедрость, очень значимым было поддержание уровня своего достоинства. Бюргеры представляли собой сплоченное самоуправляющееся сообщество, склонное к коллективной гордости и охране общей репутации. Богатство осуждалось Церковью, идеалом человека был бедняк-аскет, но идея социальной справедливости реализовывалась в виде благотворительности со стороны богатых в адрес неимущих. Отношение к физическому труду в Средневековье менялось от отрицательного к положительному.

Таким образом, в указанных исследованиях по истории ментальностей были эксплицированы социальные представления и ценности представителей различных социальных групп Средневековья, что позволило лучше понять особенности их когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер; это, в свою очередь, дает возможность установить более достоверные причинно-следственные связи, детерминирующие ход исторического процесса.

²⁶ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М., 2020. С. 189.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. и ст. А. Я. Гуревича; [АН СССР]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В. А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2020. 560 с. (Серия «Письмена времени»).
4. Дюби Ж. Методологическая программа школы ментальностей // Историческая психология: учебная хрестоматия / Самар. науч. центр Рос. АН [и др.]; ред.-сост. Т. К. Рулина; предисл. В. А. Шкуратов. Вып. 1. Самара: СНЦ РАН, 2006. С. 129–142.
5. Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (Введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5–15.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 372 с.
7. Харитонова Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред.: В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 226–239.

References

1. Bloch M. Apologiia istorii, ili Remeslo istorika [Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien = Apology of History or the historian's craft] / per. E. M. Lysenko; primech. i st. A. Ia. Gurevicha; [AN SSSR]. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 1986. 254 p. (In Russ.).
2. Bloch M. Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii [Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre = The magician kings: Study of the supernatural character attributed to the royal power, especially in France and England] / per. s fr. V. A. Mil'chinois; predisl. Zh. Le Goffa; nauch. red. i poslesl. A. Ia. Gurevicha. M.: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1998. 712 p. (In Russ.).
3. Gurevich A. Ia. Izbrannyye trudy. Srednevekovyi mir [Selected works. Medieval world]. 4-e izd. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 2020. 560 p. (Seriia "Pis'mena vremeni"). (In Russ.).
4. Diubi Zh. Metodologicheskaiia programma shkoly mental'nostei [Methodological program of the School of Mentalities] // Istoricheskaiia psikhologiia. Vyp. 1: Uchebnaia khrestomatiia / Samar. nauch. tsentr Ros. AN [i dr.]; red.-sost. T. K. Rulina; predisl. V. A. Shkuratov. Samara: SNTs RAN, 2006. P. 129–142. (In Russ.).
5. Kol'tsova V. A. Rossiiskii mentalitet kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniia (Vvedenie) [Russian mentality as a subject of socio-psychological research (Introduction)] // Istoriiogenez i sovremennoe sostoianie rossiiskogo mentaliteta / отв. ред. В. А. Кол'цова, Е. В. Харитонова. М.: Институт психологии РАН, 2015. P. 5–15. (In Russ.).

6. Le Goff J. Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [La civilisation de l'Occident medieval = Medieval Civilization, 400–1500]: per. s fr. / obshch. red. Iu. L. Bessmertnogo; poslesl. A. Ia. Gurevicha. M.: Progress: Progress-Akademiia, 1992. 372 p. (In Russ.).

7. Kharitonova E. V. Sootnoshenie poniatii «mentalitet» i «mental'nost'» [The relationship between the concepts of “mentality” and “mindset”] // Istoriiogenez i sovremennoe sostoianie rossiiskogo mentaliteta / otv. red. V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova. M.: Institut psikhologii RAN, 2015. P. 226–239. (In Russ.).